

Оксана Бармак

БУЙСТВО ДУХОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Оксана Бармак

Буйство духов

«Автор»

2026

Бармак О. В.

Буйство духов / О. В. Бармак — «Автор», 2026

Группа подростков ввязалась в опасное противостояние с тёмными силами. Они стараются выжить, сохранить свои души и остановить надвигающийся апокалипсис. Тем временем в городе борьба между бандитскими группировками выходит на новый уровень. Ослеплённый жадной власти, один из преступных авторитетов обращается за помощью к древнему демону, однако его желания исполняются не совсем так, как он хотел. Представляясь всем целительницей, злая колдунья продолжает губить людей, захватывать людские души и выпускать из преисподней злых духов, которые должны стать основой армии для порабощения всего мира.

© Бармак О. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Оксана Бармак

Буйство духов

Глава 1

Яркое солнце било в глаза и создавалось ощущение, что на дворе лето, а не начало сентября, как было на самом деле. Слепящий свет причинял глазам боль. Игорь надел солнцезащитные очки, ощущая себя столетним стариком, и продолжил ковылять вдоль улицы по направлению к входу в механико-технологическое профтехучилище, шаркая и спотыкаясь. Его даже слегка пошатывало. Бессонная ночь, наполненная чудовищными кошмарами, вытянула все силы, и организм держался на чистом энтузиазме. В голове возникла мысль: «На черта он вообще решил идти на учёбу?! После всего, что произошло...» Потом Игорь вспомнил, что сам настоял, чтобы они пошли на занятия, хоть Наташка яростно протестовала. Он обосновал это тем, что среди скопления людей при свете дня призраки и всякая другая пакость едва ли решатся их атаковать. Небольшая передышка точно не повредит. Будет время собраться с мыслями, выработать какой-то план. Идея показалась на тот момент здоровой. Ещё Игорь собирался посетить библиотеку и пройтись по книжным лоткам у рынка после занятий. Им поможет любая дополнительная информация о методах борьбы с нечистой силой. Три пачки соли он купил по пути от автобусной остановки в небольшом продовольственном магазинчике. Килограммовые картонные упаковки, наполненные каменной солью, оттягивали его спортивную сумку на плече, где помимо тетрадей и писчих принадлежностей лежала самодельная дубинка и шило для самозащиты. Вокруг у чаги бродило достаточно всякого сброда: мелкая шпана, наркоманы и даже откровенные уголовники, которые так и выискивали себе жертву, обладающую, по их мнению, излишками наличности. И не дай Бог у тебя не окажется денег – расплата будет ужасной. Телесные повреждения – не самое страшное, что могло произойти с незадачливым студентом, угодившим в лапы вымогателей. Для девяностых это была типичная ситуация. Среднестатистический обыватель вообще не знал, вернётся ли он вечером домой живым или окончит свои дни в подворотне, либо в парке с проломленным черепом. Внезапно Игорь почувствовал на себе чей-то недобрый взгляд, быстро обернулся, но никого подозрительного не заметил. Обычные люди спешили мимо по своим делам. Он остановился у зеркальных окон парикмахерской и сделал вид, что настраивает часы на руке, а сам искоса следил в отражении за тем, что происходит вокруг. Заодно Игорь оценил свой внешний вид. В витрине отражался обычный подросток, высокий, худой, с правильными чертами лица, в красном спортивном костюме, в панаме, из-под которой выбивались светлые кудряшки волос и в зеркальных солнцезащитных очках. Вокруг никаких намёков на слезку. Видимо у подручных колдуньи днём был выходной, а работали они исключительно в ночную смену. Игорь ещё раз пожалел о том дне, когда коснулся колдовской книги. Если бы он тогда знал, к чему это приведёт, то десять раз подумал, прежде чем принимать подарки у странного старика. Теперь колдунья от него точно не отстанет, пока не убьёт или не сведёт с ума. Наташки это также касалось. Оставался один выход – победить ворожею и уничтожить её книгу. Задача со звёздочкой. Игорь слабо представлял, как это сделать и вообще не представлял, как будет спать сегодня ночью. Весь в мрачных мыслях он зашёл в здание училища. До звонка на пару оставалось минуты две, поэтому коридор первого этажа почти опустел. Он заметил Ольгу Гранину – яркую, размазёванную девчонку из группы, которая спешила к нему вместе с двумя подружками с параллельного потока, такими же оторвами, которые только и знали, что веселиться да отрываться с крутыми пацанами, а потом вечно просили у него то списать конспект, то помочь с работой. Вернуть тетрадь с лекциями после их переписываний было практически нереально.

По глупости Игорь дал Граниной несколько видеокассет, и они также исчезли в неизвестном направлении. Отказать Ольге было очень трудно. Она так умела заболтать, что после Игорь мучительно вспоминал, как так он клюнул на её лживые обещания в очередной раз. Поспешно отвернувшись, он решительно направился в туалет. Однако Ольга не собиралась сдаваться. Она прибавила ходу и помахала рукой, окликая его: – Игорёк! Эй!

Дробный звук её каблучков с металлическими набойками быстро настигал. Игорь не мог сорваться на бег, не потеряв лица. Поэтому он повернулся с железным намерением отказать, что бы Гранина ни попросила. Плевать на её обворожительную улыбку и томные взгляды! И тут ему в лицо ударил густой смрад разлагающегося на жаре мяса, гнилой сырости и погребя. Вместо Ольги на него налетела тварь из ночного кошмара. В существе не было ничего человеческого. Извивающиеся щупальца протянулись к нему с намерением схватить. Глаза горели жёлтым голодным огнём. Издав вопль ужаса, Игорь наотмашь ударил чудовище кулаком справа. Мгновенно всё переменилось. Чудовище исчезло. Ольга, отброшенная ударом, покатила по полу, а её подружки остановились, поражённые поступком парня. Одна – брюнетка в облегающем джинсовом платье присела рядом с Ольгой, которая уже приходила в себя, всхлипывала и держалась за скулу, пытаясь подняться. Вторая – крашеная под платиновую блондинку в узких брюках едко салатного цвета и белом топе со звёздами, указала на него наманикюренным дрожащим пальцем и крикнула с предательски проступающим в голосе страхом: – Ты совсем охренел!? Чё делаешь!?

– Я нечаянно! Случайно вышло... – оторопело промямлил Игорь, порываясь помочь Ольге, но та закрылась от него рукой и выкрикнула сквозь слезы: – Отвали, придурок! Только тронь ещё раз и тебе конец! Да тебе и так уже конец!

Брюнетка опасливо попятилась, опасаясь, что странный однокурсник может и ей вмазать. Решила, видимо, что он обдолбался вконец.

Игорь ещё раз попытался извиниться, но в ответ получил лишь порцию отборных матерных ругательств и поспешил в кабинет, где уже начинались занятия. Первая пара – математика и преподавательница Инна Сергеевна была очень строгой. Для неё человек, не знавший как решить квадратное уравнение, вовсе не являлся человеком, а стоял на уровне развития ниже приматов, ближе парнокопытным. Ввалившись в кабинет, он увидел, что преподавательница, что-то увлечённо обсуждает со студентами, обступившими её стол, и поспешил проскользнуть на свободное место за первой партой.

– Так, все расселись по местам! – громко объявила преподавательница, поднявшись из-за своего стола. – Начнём с переключки...

Игорь поздоровался с Викторией Мерешковской, которая занимала место за ним, и махнул ребятам с задних парт. Они были не то, что приятелями, но поддерживали какие-то отношения, общались на переменах, обменивались конспектами, вместе ходили в парк пару раз. Затем он снял панаму, бросил её рядом на испещрённую отметинами и местами разрисованную поверхность стола, достал из спортивной сумки тетрадь, ручку, бойко отозвался на свою фамилию, произнесённую преподавателем, и стал напряжённо думать, что делать дальше. В кабинет вошла Ольга Гранина, прикрывая скулу платком. Девушка бросила на него испепеляющий взгляд, проходя мимо.

– Ну вот, сейчас начнётся, – с тоской подумал Игорь, надеясь, что до исключения не дойдёт.

– Что случилось, Оля? – требовательным тоном спросила Инна Сергеевна и озабоченно посмотрела на синяк студентки. – Кто тебя ударил?

– Да я сама споткнулась на лестнице, – соврала Ольга, усаживаясь на место.

Игорь решил, что это зловещий признак. Дело пахло разборкой без участия официальных властей училища. Потом он подумал, что разборка где-нибудь на спортплощадке на данный момент меньшая из его проблем. В напряжении он ждал очередного проявления

нечистой силы. Как оказалось колдунья не стесняется проявлять себя и при большом скоплении людей. Видать, ей вообще плевать на количество зевак и время суток. Здесь он крупно просчитался. В мозгу промелькнули воспоминания о его странном сне про прапрапрабабушку, которая велела ему запомнить то ли заговор, а то ли молитву, что сможет защитить от нечистых сил. Как она говорила – сделает его невидимым для злых духов. О чём там было? Он старательно наморщил лоб, вспоминая. Что-то про пути, поля, про Богородицу и Святого духа. Во сне он записывал слова заговора, но запомнить так и не смог, только отдельные фразы. Хотя может быть это всё ерунда. Просто сон.

Инна Сергеевна громко произнесла его имя: – Игорь, ты что уснул? Повтори, что я сказала только, что!

Игорь вскочил, растерянно глянул на преподавателя, потом на доску, где красовался график хитро изогнутой функции, под ним уравнения, пытаюсь сообразить, о чём шёл разговор. – Про корни квадратного уравнения, – робко предположил он, стараясь уловить подсказку с задних парт.

– Повтори мою последнюю фразу, – сурово потребовала Инна Сергеевна.

– Я не расслышал, – сдался Игорь.

– Может тогда тебе сходить в медицинское учреждение и проверить слух, – язвительно предложила Инна Сергеевна и спросила: – Почему ты не записываешь?

– Ручку искал, – соврал он, краснея.

– Садись и записывай, – отрезала преподаватель и продолжила лекцию.

Игорь плюхнулся на место, с готовностью распахнул тетрадь и остолбенел, увидев на странице после его вчерашних записей на лекции текст заговора, написанный аккуратным незнакомым почерком. То ли это он писал во сне чужим почерком, то ли непостижимым образом его прапрапрабабушка сделала это сама? На самом деле то, как появилась запись, не имело значения, а вот сам факт её наличия имел огромное значение. Игорь воспрял духом. В его душе забрезжила надежда.

– Игорь, чему ты так обрадовался? – едко поинтересовалась Инна Сергеевна, приближаясь к его парте. – Может, поделишься с остальными?

Она резко выхватила у него тетрадь и пробежала глазами написанное.

– Что за бред?! Чем ты занимаешься на занятиях? – звенел её голос в опустившейся на кабинет тишине. – Какие-то дурацкие стишки! Ты вообще в своём уме? Я сейчас разорву твои лекции, и будешь заново всё переписывать! Я не потерплю такого отношения...

– Нет! – вскрикнул Игорь, так что преподавательница вздрогнула, а все студенты застыли. Тем не менее, она попыталась разорвать тетрадь. Игорь кинулся вперёд, пытаясь помешать преподавательнице. Он хорошо понимал, что от этого заговора, возможно, зависит его жизнь, жизнь Наташки, их родителей, да ещё бог знает кого. Ухватившись за тетрадь, Игорь дёрнул на себя. Однако Инна Сергеевна не собиралась сдаваться, потянула в свою сторону. Она была крупной и сильной женщиной и вполне могла победить в схватке со щуплым подростком, да только Игорю давало силы отчаяние. Он всё-таки вырвал тетрадь, развернулся, чтобы бежать и внезапно почувствовал, как сильные пальцы вцепились ему в волосы и дёрнули назад так, что от боли на глаза навернулись слезы. Машинально он ударил локтем за спину, попал во что-то мягкое, Инна Сергеевна охнула, и тут же хватка ослабла. Игорь бросился к своим вещам. Неожиданно с боевым кличем преподавательница прыгнула ему на спину. Они повалились на пол. Игорь перекатился на спину, сунул руку в карман и схватил мешочек с солью, который ему дал утром тот мальчишка, Женька. Искажённое яростью лицо Инны Сергеевны, возникло над ним. Её завитые каштановые кудри растрепались, карие глаза изнутри подсвечивал злой жёлтый свет, а под кожей перемещались непонятные бугры. Преподавательница размахнулась деревянной указкой с явным намерением его проткнуть и из её тела проворно, с влажным шелестом полезли щупальца. Брошенная Игорем соль, вызвала бурную реакцию. Было

похоже на то, словно в раскалённое масло плеснули водой. Окружающая преподавательницу полупрозрачная оболочка точно вскипела и растворилась. Из глаз женщины ушёл желтоватый свет. Инна Сергеевна выронила указку, вскрикнула, закрыла лицо руками. Игорь не стал ждать дальнейшего развития событий, подхватил вещи и на глазах у изумлённых студентов ретировался из кабинета.

Глава 2

После того, как Наташка рассталась с Игорем на остановке, она пыталась поймать тачку, голосовала, но, как назло, никто не остановился, и в педучилище ей пришлось ехать на стареньком автобусе ЛАЗ 695 с бело-синей раскраской и трещиной на лобовом стекле, заклеенной изолентой. Покачиваясь на ухабах, автобус лязгал, жалобно поскрипывал и издавал ещё много других подозрительных звуков, свидетельствовавших о том, что место раритету автомобилестроения давно уже на свалке. Пассажиров в салоне было немного. Имелись даже свободные места, но Наташка не пожелала садиться, а встала на задней площадке и всё думала, стараясь перевернуть события прошлой ночи. Они с Игорем еле выжили, но что делать дальше. Хорошо, что у парня съёмная хата, и они не подвергаются опасности родителей. Во всём виновата эта проклятая книга. И зачем она тогда взяла её в руки. Наташка заметила, что водитель поглядывает на неё в зеркало заднего вида. Видно дело в прикиде: обесцвеченные коротко стриженные волосы, яркая красная помада, джинсовая мини-юбка, колготки в крупную сетку, туфли на высоченном каблучке и модная рваная майка. Поверх майки был надет синий кожаный плащ, а глаза скрывались за чёрными солнцезащитными очками. С досадой она заметила, что колготки порвались в нескольких местах в ходе ночной передраги. Но что теперь поделаешь, пусть окружающие думают, что сейчас такая мода. Не переодеваться же в автобусе. Было душно, и она уже подумывала, чтобы снять плащ, но в этот момент автобус остановился на очередной остановке, и открывшиеся двери впустили сгорбленную, одетую в какие-то лохмотья, старушонку. Женщина кондуктор необъятных размеров предложила ей сесть на свободное место, но старуха отрицательно помотала головой и стала пробираться на заднюю площадку. Высохшая, одетая во всё чёрное, она напоминала Наташке насекомое. Её неторопливые выверенные движения наводили жуть. Вскоре до ноздрей Наташки дошёл непередаваемый амбре, что источала вошедшая – запах тлена, плесени, пыли и трав. Так должно быть пахли мумии в египетских гробницах. Наташка решила, что непременно выйдет на следующей остановке. Она не на шутку испугалась, что старушенция на самом деле ожившая мумия. Ночных приключений ей было достаточно. Бабка приблизилась, встала рядом с ней, держась за поручень, и подняла вверх лицо, больше похожее на печёное яблоко. Её глубоко запавшие неопределённого цвета глаза с хитрецей и нездоровым блеском оглядывали девушку. От этого взгляда Наташка почувствовала озноб.

– Привет, Наташенька, – прошамкала старушонка беззубым ртом и визгливо засмеялась, внимательно наблюдая за тем, как краска сходит с лица попутчицы. Белая, как мел Наташка прошептала непослушными губами: – Здравствуйте.

– Ты плохо себя вела, деточка, и должна быть наказана, – доверительно сообщила ей старуха шёпотом, придвигаясь ближе. Наташка почувствовала, что не может пошевелиться. Всё её тело сковал непонятный паралич. Запах тлена забивал ноздри так, что нечем было дышать. Старуха резко протянула к девушке руку, заслоняя это действие от окружающих своей спиной, схватила жертву за горло и затем слегка приподняла над полом так, что ноги девушки беспомощно задержались в воздухе, не находя опоры. Посиневшие, потрескавшиеся губы старухи раздвинулись в садисткой улыбке. Во рту металлом сверкнули кривые клыки, которых секунду назад ещё не было. Такими зубами старуха легко могла перекусить толстую кость. Глаза Наташки полезли на лоб, а лёгкие намертво закупорила железная хватка. Задыхаясь, она попыталась оторвать от себя пальцы старухи, но это всё равно, что дергать за стальные прутья. «Ей конец!» – словно ледяная игла пронзила её разум мысль, и следом другая: – «Неужели это всё?!»

– Не сопротивляйся. Это закончится быстро, – прошептала страшная старуха, и её глаза вспыхнули, точно угли в костре от дуновения ветра. То была нечеловеческая радость, торжество и болезненное наслаждение.

Судорожно дергаясь, скрюченными пальцами, Наташка нащупала в сумочке мешочек с солью – один из тех, что принесли утром мальчишки, посланные Варей. По настоянию Игоря, она не стала его завязывать и теперь соль рассыпалась по всей сумке. Она схватила мешочек с остатками соли и сыпанула всё, что было в лицо старухи. Старая карга закричала, как испуганная ворона и отшатнулась, с остервенением протирая глаза. Железная хватка исчезла, и Наташка, уткнувшись ослабевшими ногами в пол, смогла вздохнуть. Не раздумывая, она оттолкнула старуху в сторону и рванулась к выходу в передней части автобуса.

– Дверь откройте! Мне надо выйти! – сипло кричала она на бегу.

– Ты что творишь?! – изумилась кондуктор и попыталась её задержать. Стройная Наташка ловко уклонилась от её медвежьих объятий, проскочила мимо дверей и рванулась к кабине водителя. Видно было, что мордатый небритый мужик в серой, пропитавшейся потом футболке, сжимавший мощными руками рулевое колесо, не собирается тормозить, а лишь оглядывается с водительского места, буравя её серыми блёклыми глазами. Схватившись за поручень, закреплённый на изогнутой перегородке, что формально отгораживала отделение водителя от пассажирского салона, Наташка истерично закричала прямо в лицо небритого громила: – Остановите-е-е! – И глянув назад, взвизгнула от ужаса. Старуха с горящими красным цветом глазами неслась по салону к ней, как страшный паук, цепляясь скрюченными иссохшими руками за поручни, отталкиваясь ногами от сидений. При этом конечности старой карги аномальным образом изгибались. Встретившаяся ей на пути кондуктор, от мощного толчка отлетела в сторону, ударилась о стекло и, обливаясь кровью из раны на рассечённом лбу, отключилась. Стекло от удара объёмного женского тела треснуло и разлетелось на мелкие осколки. В автобус ворвался ветер и звуки улицы. Кондуктор лишь чудом не вылетела наружу под колёса встречных машин. Безвольное тело мотнуло назад. Падая, она придавила старика, который благим матом заголосил на весь слон. От ужаса ноги у Наташки подогнулись. Она опустилась на пол и прижалась к металлической стенке. Происходящая в салоне вакханалия настолько поразила водителя, что у того просто сдали нервы. Он резко ударил по тормозам. Пассажиров сила инерции бросила вперёд, на спинки передних кресел. Кто-то из людей слетел на пол в проход. Кондукторша скатилась на пол с вопящего деда, а страшная старуха с горящими глазами, целеустремлённо мчавшаяся вперёд, совершила короткий перелёт до правой половины лобового стекла впереди салона. Грязные лохмотья существа скользнули по лицу Наташки, скорчившейся на полу и прижатой к стенке. Затем старуха проломила старое треснутое лобовое стекло и вместе с ним вылетела вперед на дорогу.

– Твою-то мать! – прохрипел водитель, сильно приложившись к рулю. Держась за грудь, он рванул рычаг переключения скоростей, но его заклинило, привстал, пробуя разглядеть, что случилось со старухой. Та вроде бы шевелилась, старалась выбраться из стекла, которое висело на ней, как накидка. Наташка привстала рядом с водителем. Её взгляд натолкнулся на дикие глаза старой карги. Удар о лобовое стекло сорвал лоскут кожи со сморщенной щеки старухи, но крови не было вовсе. Из-под кожи проглядывало что-то чёрное и блестящее. «Она же совсем не человек», – ужаснулась Наташка. Её спину словно обдало ледяным ветром, а по коже побежали мурашки. Старуха улыбнулась. Теперь у неё во рту были зубы – кривые чёрные клыки, торчавшие из раззявленной пасти, как попало. Визгливо хихикая, тварь сорвала с себя пробитое лобовое стекло и отбросила в сторону. В горящих глазах старухи читался приговор. Наташка беспомощно посмотрела на водителя, но помощи от того ждать было нечего. Мужик сидел на водительском месте и в оцепенении пялился вперед, силясь понять, что видят его глаза. Двигатель продолжал натужно работать, автобус медленно полз вперед. О педали тормоз водитель не вспоминал. – Открой дверь! – крикнула ему Наташка с нотками истерики, но тот проигно-

рировал её. Тем временем старуха поднималась с асфальта. Её вывернутое колено со щелчком встало на место, затем вправилось бедро. В отчаянии Наташка протиснулась к водителю с намерением открыть дверь, потом поменяла решение, так как глаза разбежались от обилия кнопок, тумблеров и маховиков на приборной панели, тогда просто просунула вперёд ногу и надавила на ступню водителя, что лежала поверх педали газа. Автобус с рёвом рванулся вперёд. Водитель резко очнулся, оттолкнул Наташку и надавил на тормоз. О корпус что-то загрохотало. Автобус подпрыгнул, словно на кочке и замер. Водитель поспешно заглушил двигатель и опустил рычаг стояночного тормоза. Наташка выглянула в оконный проём. Старухи нигде не было видно.

– Ты что, б...дь, сделала?! – гневно закричал на неё водитель, выбираясь со своего места. – Бабку под колеса затянуло! Сядешь теперь! Это ты сделала!

– Помогите, – раздалось жалобное старушечье карканье откуда-то из-под ног Наташки. От испуга она отскочила в сторону.

– Она жива, – обрадовался водитель. – А ты стой на месте, шалава! Я тебя ментам сдам. Пускай разбираются.

Нажатием на клавиши он открыл двери и выбрался наружу. В салоне стонали раненные пассажиры, приходя в себя. Наташка аккуратно переступила через женщину-кондуктора, лежавшую поперёк прохода без сознания, и аккуратно стала продвигаться к задним дверям. Водитель же на подкашивающихся ногах выбрался через передние двери и заглянул под автобус. Из его груди вырвался хриплый стон от открывшейся взору картины. Правое переднее колесо ЛАЗ 695 накатило на тело старухи, промяло грудь жертвы, да так и остановилось. Его удивило, что нет крови. Старуха вдруг повернула к нему сморщенное лицо с разорванной щекой, взглянула с болью в глазах и жалобно прохрипела: – Ох! Мне больно. Сынок, помоги!

Она протянула вперёд дрожащую руку, но водитель посторонился, помня, что несколько минут назад старуха выглядела как-то странно, если ни сказать больше – страшно или даже чудовищно. Возможно, ему это только показалось из-за стресса. Накануне водитель выпивал с братом жены, а в выходные пил два дня подряд с соседом по даче и теперь всё гадал, не является ли проявлением белой горячки всё происходящее в данный момент. Он слышал, что галлюцинации могут настичь человека через несколько дней после возлияний. У каждого реакция на интоксикацию организма индивидуальна. Кому-то хоть бы хны, а кто-то бежит ловить чертей.

– Помоги! – простонала старуха жалобно. Её скрюченные пальцы вцепились в колесо.

– Это... Я того... Да как я, нах...й, помогу? – запинаясь, промямлил водитель, в растерянности. Его широкое лицо покраснело от переживаний, а лоб заблестел от испарины. Его изумляло, что жертва всё ещё может разговаривать при таких травмах.

– Сдай назад и я выберусь, – вкрадчиво попросила старуха.

– Не-е-е, – замотал головой водитель, – нельзя! Врача надо!

В глазах старухи полыхнула ярость. Она ощерилась беззубым ртом, собиралась что-то произнести, но затем отвлеклась. Её взгляд перескочил за спину водителю. Она с яростью закричала, указывая пальцем на выбравшуюся из задних дверей Наташку.

– Эй, пентюх, эта охальница сбечь задумала! Лови её! Она меня задавила!

Водитель нервно оглянулся и действительно увидел Наташку, бегущую прочь от автобуса.

– А ну стой, шалава! – крикнул он, но без особой надежды. Было видно, что девчонка не собирается останавливаться. Чертыхаясь, водитель припустил следом, но быстро выдохся. Пробежал всего метров пятьдесят, остановился, согнулся, уперев руки в колени и тяжело дыша. Слишком много было выкурено сигарет и выпито пива, да и лишний вес тянул к земле – какие тут гонки.

Старуха закричала от бессильной ярости. Она изо всех сил напряглась, рванулась, раз, другой, третий, но лишь раскачивала автобус, а выбраться не смогла. Пассажиры, находивши-

еся в салоне и пытавшиеся выйти по проходу, вновь попадали. Старуха продолжала рваться и реветь. Водитель не мог оторвать взгляда от этого гротескного и фантастического зрелища. Иссохшая сгорбленная старушонка пыталась поднять его автобус. Вот это точно белая горячка. Старая карга извивалась, толкала наехавшее на неё колесо руками и, наконец, немного сдвинула машину. Затем ещё чуть-чуть. Огромное колесо поворачивалось. Из груди старухи исторгся звериный рёв, а глаза вспыхнули красным цветом. Теперь водитель точно видел страшные зубы, которые внезапно проросли сквозь голые дёсны. С остервенением старая карга прокусила крышку вместе с камерой. Послышался громкий хлопок и следом унылый свист выходящего из колеса воздуха. Обдирая кожу и разрывая одежду, она стала выползать из-под колеса. Весь автобус накренился и ободом придавил старухе голень. Послышался противный хруст. Отвратительно вереща, старуха одним рывком оторвала ногу ниже колена, вскочила на четвереньки и шустро поскакала, отталкиваясь от асфальта руками и уцелевшей ногой. Водитель не смог перенести подобного зрелища. Он как стоял, так и рухнул лицом вперед, потеряв сознание. Редкие прохожие на улице шарахались от старухи, не понимая, что происходит. Её движения были столь стремительными, что шествовавшая по улице женщина с маленьким мальчиком лет пяти, которого она держала за руку, закрыла ребенка собой, а затем воскликнула: – Бешеная собака, что ли?! Как прыгает – ужас!

– Нет, это старая баба, – серьёзно возразил мальчик и прижался к матери, обнимая ноги, – Боюсь её!

– Нет, это собака, – убеждая себя, возразила женщина, – Не бойся, она уже убежала.

В каком-то смысле Аглая Тарасовна – помощница известной в Велеске целительницы действовала как собака, втягивая по-звериному ноздрями воздух и улавливая запахи сбежавшей девчонки, чётко шла по следу, точно заправская ищейка. Она уже давно перестала быть человеческим существом, ещё со времён первой встречи со своей повелительницей. Сохранялась лишь внешняя человеческая оболочка, маскировавшая её среди людей до поры до времени. Запах девчонки вёл Аглаю Тарасовну через двор, на соседнюю улицу, и вдруг исчез прямо у проезжей части. Она ползала по дороге, обнюхивала асфальт и не могла понять, куда подевалась мерзавка. Проезжавшие мимо машины сигналили и объезжали безумную и страшную старуху.

Глава 3

Сухая листва шелестела под подошвами лакированных итальянских туфель. С громким хрустом ломались тонкие веточки, прикрытые лесной подстилкой. Угрюмый шёл по знакомой тропинке в самую чащу и сам удивлялся, зачем ему это понадобилось. Один, без охраны в наступивших сумерках, он уже на два километра отошёл от гостиницы и достиг тёмно-тенистых дебрей, зажатых в долине цепью небольших холмов. Эти места Угрюмый также хорошо знал, так как именно здесь оканчивали путь те, кто мешал ему. Конечно, сам он никого не убивал. Для этих дел имелись специальные люди. Жертвы вывозились в лес, иногда подвергались пыткам, иногда нет, но затем неизменно умерщвлялись и захоранивались тут же на месте в долине между холмами. Парни из бригады Угрюмого в шутку называли её «Долиной мёртвых». Ощущая холод, он поёжился и попытался укутаться в свой пиджак как можно сильнее, сунул руки в карманы, сгорбился и подумал: «Какого хрена я тут делаю?!» Странно, но Угрюмый не помнил вообще, как оказался в лесу. Между тем температура окружающего воздуха продолжала падать, а солнечные лучи гасли, уступая место надвигающейся тьме. Он выдохнул воздух и заметил пар от дыхания. Внезапно раздался тоскливый вой откуда-то справа. Слева из зарослей орешника послышался стон и шорохи. Угрюмый остановился, как вкопанный. Если бы у него на бритом черепе были волосы, то они встали бы дыбом. С замершим от страха сердцем, Угрюмый выхватил из кобуры под пиджаком пистолет, снял его с предохранителя и дослал патрон. Вой послышался спереди. Новые шорохи, треск ломаемых веток и звуки шагов. Его окружали! «Вот влип!» – мрачно подумал он, передёрнув затвор, отступая. Тут в прогалине между деревьями земля неожиданно вспучилась бугром, появились грязные ищущие руки. Наконец кисти обрели опору, ухватившись за ствол молодого дубка, и из земли вылезла косматая грязная голова. Разлагающееся лицо было обращено к Угрюмому, и тот с ужасом узнал владелицу бензоколонки, которую приказал убить. Женщина выбралась сначала по плечи, затем по пояс. Рядом из земли выбиралась её одиннадцатилетняя дочь, закопанная рядом. Угрюмый закричал и выпустил в мертвецов всю обойму, да только пули на них совершенно не действовали. Они обе уже ковыляли в его сторону по шуршащей подстилке из прелых листьев, покачиваясь и спотыкаясь. Прямо их кустов вывалился толстый мужик в трусах, распухший и почерневший. Он плёлся к нему с рычанием, расставив в стороны руки с хищно согнутыми пальцами. Его он тоже узнал – дальнобойщик, перевозивший бытовую технику. Быки Угрюмого забили его у гостиницы битами, а фуру с грузом забрали. Справа из-за дерева вышел парень в истлевшем спортивном костюме, пропитанном глиной. Он перегонял машины и не желал делиться. Новые и новые разложившиеся трупы один краше другого появлялись из-за деревьев и направлялись к нему. Вой и стенания наполнили лес. Угрюмый пятился, наставив на мертвецов бесполезный пистолет, повторяя про себя: «Это сон! Только сон! Мне всё это снится!» Его нога зацепилась за корень. Падая, Угрюмый закричал и подскочил на сиденье джипа, который притормозил перед старым почерневшим деревянным домом, принадлежавшим местной целительнице. Из проигрывателя нёсся шансон, включённый на полную громкость. «Опять этот сон!» – с облегчением выдохнул он. Никакого леса, трупов и темноты, а на дворе солнечный жаркий день начавшегося бабьего лета. Как его угораздило задремать?

– Приехали, – приглушив музыку, весело сообщил кудрявый, смуглый, глыбообразный водитель с расплоснутым широким носом по кличке Бажинда. Ярко выраженные надбровные дуги, узкий скошенный лоб и массивный череп вызывали у окружающих впечатление, что по уровню эволюции Бажинда находился где-то рядом с питекантропом. Однако временами проскальзывавшая в его тёмно-карих глазах звериная хитрость показывала, что он не так туп, как казалось на первый взгляд и является очень опасным противником.

– Жди, я быстро перетру пару вопросов и вернусь, – пообещал Угрюмый и выбрался из машины, захлопнул дверцу, потянулся, расправляя мощные плечи, затем двинулся к открытой покосившейся калитке. У целительницы калитка и дверь в дом большую часть дня были открыты, чтобы посетители могли свободно войти. Однако в этот час очередь из страждущих отсутствовала, так как знахарка ждала именно его. Угрюмый удивился, что старая карга в чёрном, встречавшая посетителей у дверей сегодня не вышла к нему навстречу. Он сам прошёл через сени, завешанные пучками трав, вязанками чеснока, каких-то корней и заваленные всяким хламом, заглянул в тёмный коридор и на всякий случай позвал: – Эй, есть кто в хате?

– Сюда, Толик, я здесь! – позвала его клокочущим и хлюпающим голосом целительница. От этого голоса у Угрюмого по спине побежали мурашки, а рука машинально легла на пистолет в поясной кобуре, скрытый под тёмной широкой турецкой рубашкой. Рядом с кобурой был пристёгнут снаряженный запасной магазин. Рубашку он носил навывпуск и ТТ особо не выделялся, правда специалисту хватило бы и одного взгляда на странную выпуклость, чтоб понять, что там скрыто под одеждой. С другой стороны, кого ему бояться? Все его в городе знали и уважали. Если возникали проблемы с законом, то сразу появлялся матерый адвокат и разруливал непонятки. Кроме того белый билет гарантировал, что в крайнем случае придётся отлежаться в больничке.

– Зашкерилась, – процедил сквозь зубы Угрюмый, сплюнул на заскорузлый пол, укрытый грязной циновкой и шагнул внутрь в коридор, пахнувший склепом, пылью и плесенью. В спёртом мёртвом воздухе дома присутствовал ещё один запах: едкий, удушливый и отвратительный, как в притоне гуталинщиков или химической лаборатории, где варили «винт». Половицы зловеще скрипели под ногами. С каждым шагом Угрюмый, всё ближе подходил к открытой двери в комнату, к освещённому тусклым светом проёму, но у него создавалось ирреальное ощущение, что он живым спускался в могилу, а дом вокруг сжимается, грозясь раздавить. Запах химической лаборатории усиливался. Во рту появился металлический привкус. Сам он у целительницы ещё не бывал, но пацаны рассказывали, что место стрёмное, а бабеч – знатная чувырла, страшнее атомной войны. Угрюмый был готов к сюрпризам, но всё же слегка оробел от вида хозяйки дома. За столом у окна в старом обтрёпанном кресле сидела очень грузная женщина: необъятных размеров синий халат в горошек, косынка, из-под которой торчали неестественно чёрные жёсткие волосы. Глаза целительницы были незрячими, белёсыми и пронизанными переплетением кровавых прожилок, а вместо кожи лицо покрывало что-то розовое и бугристое, точно с неё живой содрали кожу, а потом рана неровно, как попало заросла соединительной тканью. С отвратительной жабьей улыбкой на широком лице она сделала приглашающий жест, указывая на стул перед её столом.

– Проходи, Толик, присаживайся.

– Не Толик, а Анатолий Иванович, – сурово поправил женщину Угрюмый, сел на стул, вальяжно развалился, закинул ногу на ногу и спокойно посмотрел на неё. При взгляде со стороны никто бы не догадался, что внутри у него всё кипит. Чувствовал он себя так же, как на суде, когда вышак ломился. Страх, отвращение и злость – все чувства перемешались и сплелись в плотный взрывоопасный клубок. Ему хотелось свалить и больше никогда не видеть этого места, но Угрюмый, железной волей держал себя на месте и даже презрительно улыбался, глядя в страшные незрячие глаза. Только целительница видела его насквозь, несмотря на слепоту. Её нельзя было обмануть показным спокойствием. Улыбка женщины стала шире.

«Расшифровала, падла!» – зло подумал Угрюмый.

– Не надо меня бояться, Толик. Я же тебе желаю лишь добра, – просипела целительница.

Угрюмый заскрипел зубами, понимая, что она его специально подначивает. Но для чего? В комнате повисла тишина. Целительница продолжала улыбаться.

– У меня есть одна заморочка, – нехотя начал Угрюмый.

Целительница своей позой выразила заинтересованность, поощряя к продолжению. Он обдумал то, что собирается произнести и медленно заговорил: – Чалился червонец строгача в крытке. Откинулся звонком... Подбирая слова Угрюмый тихо, почти шёпотом поведал, как после освобождения из тюрьмы у него начались проблемы с потенцией. Чтобы обеспечить себе надёжную эрекцию, Угрюмый обычно сообщал сексуальной партнёрше, что если у него не встанет, она будет избита до полусмерти. Это действовало. Партнёрша очень старалась и всё получалось. Однако он опасался, что рано или поздно пойдут всякие разговоры о его проблемах, а человек его положения не может позволить себе слабость, иначе свои же порвут. Целительница понимающе кивала, затем доброжелательно поинтересовалась: – Хочешь, чтобы у тебя шишка стояла?

Её голос звучал так, словно ему аккомпанировали дырявые кузнечные меха.

– Ты, потише! Фильтруй базар! – зашипел на неё Угрюмый, глянул в окно на курившего рядом с машиной водителя и поспешил предупредить: – Об этом никому?! Сечёшь?!

– Да.

– Ещё одно... Мне надо, чтоб я мог перепить любого, – продолжал Угрюмый. – Чтоб все в говно, а мне хоть бы что. А ещё, чтобы пули не брали. Типа вот это всё вместе. Поняла?!

– Само собой, – ухмыльнулась она, затем подвинула к нему небольшую картонную коробочку, что стояла на столе с начала их разговора. – Вот лекарство. Оно поможет в перечисленных тобой случаях.

– Что там? – сурово спросил Угрюмый, даже не пытаясь притронуться к коробочке. Именно осторожность позволила ему прожить так долго. Казалось подозрительным, что целительница постоянно держит на столе коробочку со средством для потенции и одновременно дающее человеку бронепробойные качества, плюс стойкость к алкоголю. Либо данная проблема широко распространена у большинства её клиентов, либо тётка знала, что он попросит? От этого становилось не по себе.

– Я же сказала, лекарство! – деланно удивилась целительница, пожав плечами. – Зачем мне тебя травить?

Её незрячие глаза были обращены к нему, на жабьей физиономии играла глумливая улыбка, а в дыхании что-то влажно клокотало и хлопало. Ему чудилось, что вокруг массивной фигуры женщины сгущается тьма. Взгляд уловил какое-то шевеление у неё за спиной.

– Из чего оно? – с нажимом спросил Угрюмый, усилием воли подавив ледяные уколы страха. – Может оно законтаченное. Один фраер мне тоже впаривал порошок. Потом оказалось, что он его из сушёного оленьего хера навертел. Знаешь, что за такое бывает?

– Догадываюсь, – целительница нисколько не смутилась, – у меня с лекарством всё нормально. Это не то, что ты себе представляешь. Я использую целительную силу камней, заговоры, травы да коренья. За качество отвечаю. Держи то, что лежит в коробочке рядом с собой и всё будет отлично.

На последних словах женщина закашлялась и сплюнула на пол чем-то чёрным.

– Лады, – скривившись, Угрюмый быстро взял коробочку и сунул себе в карман. – А, что с этим барыгой, Ароновым?

– Скоро он исчезнет, – пообещала целительница сиплым шёпотом уже без улыбки и добавила: – Мне надо ещё оружие. Ты пообещал!

Химический запах в комнате резко усилился. Стало трудно дышать. Мрак вокруг целительницы сгустился настолько, что Угрюмый уже не смог списывать этот эффект на игру воображения. В сознании пронеслись мысли: «Какого хрена я тут вообще делаю?! Зачем связался с этой... Кто она – ведьма или сам дьявол?»

– Поглядим, – буркнул Угрюмый дрогнувшим голосом. – Часика через два Борисыч притаранит часть железок. Остальное завтра. Это при удачном раскладе.

Он поспешно попрощался с целительницей, вышел на улицу и с наслаждением вдохнул чистый воздух. Про себя Угрюмый решил, что больше не войдёт в эту жуткую халупу. Ему есть кого послать.

Глава 4

В школу одиннадцатилетний Лёшка молча шагал рядом со своим другом Женькой по центральной улице посёлка Заточного, пребывая в мрачном настроении. Им сегодня было ко второму уроку, но даже это не радовало. Жизнерадостный Женька напротив лучился оптимизмом и получал удовольствие от жизни. Носками кед он пинал те немногие листья, что опали с начинающих желтеть деревьев, размахивал чёрным пластиковым дипломатом с металлическими вставками и упоённо мечтал вслух, как сообщит парням в классе об их приключениях у колдуньи. Ночные страхи, привидения, отец Лёшки, превратившийся в зомби – всё забылось.

– На твоём месте я бы не стал рассказывать, – хмуро заметил Лёшка, поправляя свой самый обычный школьный портфель на лямках из коричневого дерматина. – Конечно, если ты хочешь, чтобы тебя забрали в милицию, то тогда давай, рассказывай.

– Почему заберут? – не согласился Женька, притормозив на секунду. В его карих глазах промелькнула тревога. – Я про взрывпакет не буду рассказывать, а больше мы ничего такого не делали.

– Мы же договаривались рассказать эту историю на «Калейдоскопе ужасов», – напомнил Лёшка.

Женька, как главный организатор соревнования на самую страшную историю, которое называлось «Калейдоскоп ужасов» и проводилось у Лёшки во дворе, печально посетовал: – Так занятия же начались. Никого из наших не соберёшь. Гришка сейчас у родителей на другом конце города и к бабушке в Заточный не приезжает. Шарика в больницу с гепатитом положили. Да и остальные тоже: то уроки учить, то в секцию.

С досады он плюнул на пробежавшего мимо кота, но не попал.

– Придётся каникул ждать, – вздохнул Лёшка, хотя их вечерние посиделки в данный момент его меньше всего волновали. Он помнил слова колдуньи, её приказ и то, какие будут последствия в случае невыполнения. Перед глазами всё стояла картина, как из грузного тела так называемой матушки Евдокии выползают чёрные поблёскивающие слизью щупальца, а глаза наполняются голубоватым светом. Или это были живые корни?

– Эй, ты куда идёшь? – окликнул его Женька с перекрёстка, в то время как Лёшка свернул направо. – В школу прямо. Ты что спишь на ходу или заразился от бабушки маразмом.

Лёшка смерил друга недобрый взглядом и процедил сквозь зубы: – У моей бабушки нет маразма! И в школу я не иду.

– Как не идёшь? – изумился Женька. На всякий случай он предпочитал держаться от друга на достаточном расстоянии, чтобы не схлопотать затрещину из-за остроты про бабушку. Высокий и тощий Женька при всём желании не мог тягаться в силе и ловкости с крепким и подвижным Лёшкой, поэтому предпочитал отступление неравному бою. Если они тузили друг друга в шутку – это одно, а вот ежели Лёшка вдруг в самом деле разозлится, то реальных тумачков тогда не избежать.

– Так, не иду, – небрежно бросил Лёшка.

– А куда ты идёшь? – спросил Женька с живейшим интересом. Обычно подбивать других на прогулы была его прерогатива.

– Подойди и я шепну тебе это на ухо, – предложил Лёшка самым нейтральным тоном. Его голубые прищуренные глаза недобро сверкали.

– Не-е-ет, – протянул Женька с понимающей улыбкой. – Нашёл дурака!

– Иди сюда, гандон! – завопил Лёшка и бросился к противнику со всем проворством, на которое был способен. Женька уклонился и бросился бежать.

– Стой, сука! – проревел Лёшка, устремляясь за ним.

– Херушки тебе, – захохотал смехом безумца Женька. В скорости он выигрывал из-за длинных ног и небольшого веса. Лёшка стал отставать. Они пробежали мимо женщины с большой клетчатой сумкой, которая посмотрела на них как на умалишённых и сердито бросила вслед: – Совсем уже одурели!

Минуты через две они оба остановились, тяжело дыша.

– Да пошёл ты! – крикнул Лёшка, находясь от преследуемого на расстоянии тридцати метров.

– Беру свои слова про твою бабушку назад! Извини! – крикнул Женька, стараясь восстановить дыхание. – Куда ты собрался? Скажи! Я бы тебе обязательно рассказал.

Лёшка подумал и признался, что идёт в дом престарелых, чтобы выполнить приказ колдуньи.

– Ты что будешь выполнять для колдуньи всякие дела, – не поверил своим ушам Женька. – Она же злая. Мы наоборот должны её победить, а не помогать. Эта девчонка-призрак так и говорила! Забыл что ли?

– Да, победишь её! – проворчал себе под нос Лёшка, воровато оглянувшись по сторонам и добавил, понизив голос: – Я не собираюсь ей помогать по-настоящему. Я только сделаю вид, чтобы она не трогала никого из домашних. Мы найдём эту штуку, которую колдунья хотела получить, отдадим тому парню – Игорю, а он разберётся с колдуньей.

– Я в деле, – заявил Женька. За время их диалога он приблизился к другу почти вплотную, но в любой момент был готов бежать, если Лёшка всё же решится поквитаться с ним за оскорбление бабули.

– Тогда пошли, – кивнул Лёшка на ржавую металлическую ограду с облупившейся краской, за которой как раз располагался дом престарелых и инвалидов. По разбитой асфальтовой дорожке они направились к калитке рядом с въездными воротами. Калитка не закрывалась. Лёшка видел, как через неё свободно прошёл какой-то лысый мужик в мешковатом костюме с объёмным портфелем в руках. Мужик просто повернул ручку запорного устройства решётчатой двери калитки и вошёл. Лёшка с колотящимся сердцем двинулся вперёд. Он так и не придумал, что будет говорить, к кому обращаться, кроме того не определился с главным – со способом поиска нужного человека. Корпуса дома престарелых были огромными в три этажа, что подразумевало наличие большого числа постояльцев. Женька послушно поплёлся за другом, гадая, как Лёшка собирается отобрать у старика артефакт. Занятно должно быть будет выглядеть это. По-доброму дед его точно не отдаст. В его голове мгновенно начали рождаться различные коварные планы проведения сего мероприятия. Чего-чего, а планы придумывать Женька был мастак. Вот с реализацией было сложнее. Всё зависело от того пустят ли их вообще внутрь или сразу выгонят.

Лёшка повернул ручку и распахнул калитку. С этим проблем не возникло. Он кивнул Женьке: – Проходи!

– Нет, иди ты первым, – возразил тот, остановившись у открытого проёма в ограде, ограниченного столбами из красного кирпича.

Из-за спора об очередности прохода между ними возникла небольшая потасовка. Лёшка ухватил Женьку за руку и пытался впихнуть в калитку. Последний яростно сопротивлялся. Спор быстро прекратила мощная тётка в белом халате с алюминиевым бидоном в руках. Она растолкала мальчишек и рявкнула: – А ну пошли отсюда, хулиганы! И чтобы я вас больше не видела!

Ребята, как ошпаренные, отскочили в сторону, подождали пока она пройдёт на территорию.

– Это всё из-за тебя! Если бы ты зашёл, то она бы на нас не накричала. Ссыкун! – Проворчал Лёшка, поджав губы.

– Сам ссыкун, – оскорблённо возразил Женька, – тебе велели сюда прийти, значит, и заходить ты должен первый.

Лёшка молча вошёл через калитку во двор дома престарелых. Женька вошёл следом. Оба чувствовали себя разведчиками, проникшими в стан врага. Посреди двора напротив главного входа высилась статуя воина в каске и с гранатой в руках. Статую окружала клумба с ноготками. Направо и налево шли широкие тенистые аллеи с древними обшарпанными лавочками. Впереди на крыльце также стояла лавочка, на которой сидели четыре старика и что-то живо обсуждали. Заметив вошедших подростков, они замолчали и стали внимательно их разглядывать. Один, в старой овчиной жилетке с клюкой в руках, снял очки и отдалил линзы от глаз, чтобы чётче было видно юных гостей, столь редких в этом месте.

Лёшка решительно направился прямо к главному входу. Женька семенил рядом, с беспокойством оглядываясь по сторонам. До входа дойти они не успели. Сбоку из аллеи вышел высокий суровый санитар, бритый под ноль. Он преградил подросткам дорогу и, затянувшись сигаретой без фильтра, грубо спросил: – Вы чего тут забыли?

– Я к дедушке пришёл. Захар Кондратьевич Писарев, – соврал Лёшка, краснея как рак.

– Он в психоневрологическом отделении лежит? – спросил санитар равнодушно, вновь затянулся сигаретой и почесал себе пятернёй пузо, нависшее над брючным ремнём.

– Вроде бы нет, – осторожно ответил Лёшка. Колдунья не говорила, что этот старик псих, так что вряд ли его стоит искать в отделении с таким названием.

– Я работаю в психоневрологическом и там нет мужика с такой фамилией, – буркнул санитар. – График приёма посетителей по организационным, административным вопросам висит у входа, но вас всё равно внутрь не пустят. Приходите с родителями, а сейчас валите отсюда. Вам здесь нечего делать.

– Родители поссорились с бабушкой и не разрешали мне с ним общаться, – жалобно сообщил Лёшка.

– А мне что за дело? – отмахнулся санитар. Он уже был готов вытолкнуть их взащей, когда Лёшка извлёк из кармана и протянул санитару несколько свёрнутых купюр. Деньги дала ему колдунья как раз для подкупа работников дома престарелых. Она предвидела подобные осложнения.

– Что за бабки? – с сомнением поинтересовался санитар, но в его глазах уже зажгётся огонёк алчности. Он с новым выражением лица посмотрел на подростков, оценивая. Оба выглядели прилично. На шпану или наркоманов не похожи. Опрятно одеты. Женька стараниями отца дальнбойщика был упакован вообще по полной: джинсы, рубашка, джемпер, кроссовки и бейсболка – всё с иностранными лейблами.

– Я долго копил эти деньги и очень хочу увидеться с бабушкой, – попросил Лёшка и всунул деньги в руку мужчине. Всем своим видом он старался показать, насколько он соскучился по дедуле. Состроил скорбное выражение лица и даже постарался выдавить слезу, но не получилось. Однако, похоже, ничего этого не требовалось. Санитар пересчитал купюры, улыбнулся и сразу подобрел.

– Ладно, шкеты, стойте здесь, а я пойду и найду вашего дедушку, так и быть, – велел он, разворачиваясь, чтобы уходить, затем, спохватившись, предупредил: – Ведите себя тихо. Если кто спросит, то скажете, что ждёте родственника, и он должен к вам выйти.

Спустя час ожидания, Женька предположил, что санитар взял деньги и кинул их. Лёшка посмотрел на большие часы, висевшие над входом, и сказал: – Подождём ещё пятнадцать минут. Если не появится, то будем спрашивать ещё кого-нибудь.

– Так и со скуки помереть не долго, – заявил Женька, а затем полушёпотом с восхищением в голосе похвалил товарища: – А врётся ты классно! Даже я поверил! Офигеть просто!

Лёшка не ответил на похвалу, а про себя подумал, что если над человеком висит угроза жестоких пыток и истребления всех его родственников, а его самого колдунья грозит вывернуть наизнанку, то поневоле максимально проявишь все свои актёрские способности.

Санитар наконец вернулся, но выглядел как-то растерянно. Повисла пауза. Лёшка выжидающе посмотрел на мужчину, который прятал глаза. Тот заметил его взгляд, тяжело вздохнул, развёл руками и произнёс извиняющимся тоном: – Сорян, пацаны, но ваш дедушка помер полгода назад. Такова жизнь. Ничего не попишешь.

– Как помер?! – обомлел Лёшка. – Нет! Как же так?!

– Ну как все люди помирают? – пожал плечами санитар. – Ему под девяносто было. Чего ты хочешь? Видать пришла пора.

Лёшка лихорадочно думал, что делать дальше. Это известие колдунью вряд ли обрадует. А им-то что делать? Артефакт старика должен был помочь победить злые силы. Пауза затягивалась.

В голове Женьки в этот момент сверкнула идея, и он моментально её озвучил: – А от дедушки не осталось никаких вещей? Мне бы на память хоть что-нибудь. Какой-нибудь, например старый медальон или амулет...

Лёшка предостерегающе глянул на друга и тот, перехватив его грозный взгляд, замолчал, понял, что сболтнул лишнего. Сам же Лёшка смиренно произнёс: – У меня ещё есть деньги. Я заплачу за вещи дедушки.

Санитар задумался. Было видно, что он очень хочет получить деньги. Все сомнения были давно отринуты.

– Ты эти деньги не украл? – спросил он на всякий случай. Правда, по физиономии санитара читалось, что ему на самом деле глубоко плевать, где пацаны раздобыли наличность, а вопрос задан чисто для проформы.

– Нет, я три года копил на новый велосипед, – соврал Лёшка вдохновенно.

– Конечно..., велосипед, – недоверчиво с кривой усмешкой протянул санитар. Воровато оглядевшись, он негромко произнес: – Ладно, попробую что-нибудь узнать по этому поводу.

Они договорились встретиться завтра утром без двадцати восемь. Лёшка был доволен собой, а Женька просто раздувался от гордости и пританцовывал всю дорогу до дому от того, как они всё ловко провернули.

Глава 5

Игорь вышел из здания профтехучилища и с максимальной скоростью рванулся прочь от места, ставшего смертельно опасным. Напряжённый как струна он готовился к новым нападениям. Правая рука была спрятана в кармане и сжимала горсть соли. Пугала неизвестность. Он всё гадал, что изобретёт нечистая сила на этот раз. Резкое появление из-за угла трёх парней хулиганского вида заставило Игоря испуганно вскрикнуть. Рука помимо его воли выскочила из кармана и метнула вперёд соль. Спустя мгновение Игорь понял, что вышедшие парни не являются одержимыми злыми духами. Однако, сделанного не воротишь. Это были хорошо известные ему отморозки, протиравшие свои штаны в ПТУ лишь для того, чтобы изображать из себя студентов, лакать пиво вместо уроков, курить за углом главного корпуса под навесом запасного выхода, надёжно укрытого от взгляда преподавателей, да обирать младшекурсников, что имели неосторожность оказаться рядом с этой троицей. Самое главное – они изображали из себя авторитетов преступного мира Велеска, угрожали связями среди уголовников и делали это столь убедительно, что жертвы предпочитали откупиться, а не проверять их возможности. Вожаком в банде был небольшого роста, упитанный белобрысый парень с дикими серыми глазами и низко надвинутой на лоб клетчатой кепкой с широким козырьком по кличке Фёдор, в миру – Василий Игнатьевич Фёдоров. В уголке его плотно сжатых тонких губ торчала беломорина, причём явно не с табаком. Справа, чуть позади за ним шёл Боб, долговязый, худой парень с мутными голубыми глазами, желтушным цветом кожи и вечно недовольным лицом в серой рубашке, потёртых спортивных штанах чёрного цвета и драных кроссовках. По левую руку от главаря шёл Калиша – смуглый кудрявый худой парень в цветастой рубашке чем-то напоминающий цыгана. Самым плохим являлось то обстоятельство, что Фёдор был в хороших отношениях с Ольгой Граниной. Они часто вместе курили план за углом главного корпуса. Ещё на прошлой неделе Игорь столкнулся с Фёдором в коридоре. Тот заявил, что Игорь задел его сумкой и не извинился с должной учтивостью, за что должен ответить. Фёдор забил ему стрелку, но из-за приключений связанных с колдуньей он начисто забыл об этом. Все эти мысли пронеслись в голове Игоря за одно мгновение. Фёдор пред ним протирает лицо рукавом рубахи и отплевывался. Боб грубо схватил Игоря за олимпийку и гаркнул: – Ты чё, сука, творишь! Совсем рамсы попутал!

Калиша, улыбаясь, приблизился с другой стороны. – Считаю, что попал на бабки, – сообщил он Игорю, продемонстрировав выкидной нож. С щелчком из ножа выскочило короткое лезвие. На Игоря это должного впечатления не произвело. Он опустил руку в спортивную сумку и взялся за шило, длина жала которого чуть ли не в два раза превышала длину лезвия выкидного ножа. Ещё у Игоря имелась самодельная дубинка из стальной арматуры, овитой круглым резиновым шнуром. Он не собирался пасовать перед этими мудаками, несмотря на холод, разлившийся в кишках, и бешено колотящееся сердце. Не увидев страха в глазах наметенной жертвы, Фёдор быстро изменил накатанный сценарий, решив разыграть из себя строгого, но справедливого лидера преступной группировки. Тем более месить кого-то почти на крыльце ПТУ было так себе идеей. Он сделал знак своим подручным остановиться: – Ша, пацаны! Будем делать разбор по понятиям. Этот крендель накосячил и должен признать, что он не прав.

– Я случайно бросил в тебя соль. Давай замнём! Извиняюсь за это! Признаю, что был не прав, – произнёс Игорь, поглядывая по сторонам. – Всё или ещё какие-то вопросы?

Дальше по дороге у тротуара стоял мусоровоз ГАЗ-53-14. Рабочий в оранжевом жилете загружал совковой лопатой рассыпанный по тротуару мусор в контейнер, зафиксированный механизмом захвата мусоровоза. Водитель стоял у рычагов управления системой загрузкой мусора. Редкие прохожие обходили рабочего и спешили дальше по своим делам. Лёгкий вете-

рок гнал по улице непередаваемый букет ароматов помойки. В целом было достаточно людно для поножовщины. Калиша, нервно усмехаясь, сложил нож и убрал его в карман. Игорь так и стоял с рукой в сумке, что нервировало главаря банды кретинов. С презрительной улыбочкой Фёдор подытожил: – Значит, ты признаёшь, что не прав?

– Признаю, – пожал плечами Игорь.

– Значит, с тебя два миллиона и четыре коробка плана, принесёшь завтра утром сюда, – заключил довольный Фёдор, – всё по понятиям.

– Может ещё чего принести? – с деланным интересом спросил Игорь, наблюдая за тем, как манипулятор высыпает мусор из контейнера в кузов мусоровоза.

– Чё, борзый что ли? – сузил глаза Федор. – Ты вообще кто по жизни, пацан, босяк, мужик или гребень?

– Обычный пацан, – вздохнул Игорь. Разговор его начинал утомлять. Он не понимал к чему клонит этот дебил, воображающий себя блатным.

– Под кем ходишь? – продолжал Фёдор настойчиво.

– Не под кем, – огрызнулся Игорь. Калиша хихикнул, но под взглядом главаря посерьёз-
нел и отвернулся.

– Как не под кем?! А говоришь, что пацан! – притворно возмутился Фёдор. – По фене ботаешь?

– Да, понимаю немного, – буркнул Игорь. – Чего ты хочешь?! Мне идти надо!

– Понять, бл...дь хочу, кто ты такой, – ответил Фёдор доверительным тоном, – если по фене ботаешь, то значит босяк.

– Ладно, босяк, – нервно согласился Игорь. Он заметил, как высокий, накачанный бритый парень бандитского вида в чёрной кожанке и джинсах смотрел на него с противоположной стороны улицы. Лицо у парня было какое-то неживое будто окаменевшее, а глаза разного цвета – один зелено-голубой, а другой чёрный. От него исходила какая-то чёрная аура смерти и насилия. Это чувствовалось на ином уровне, чем обычные человеческие органы чувств. Игорь решил, что это один из прислужников колдуньи. Слишком уж он не похож на обычного бандита. Затем парень надел солнцезащитные очки и направился к мусоровозу. Игорь решил, что возможно ошибся в своих выводах.

– Слышали! – обратился Фёдор к друзьям с довольным видом, – говорит, что он босяк, а на зоне не сидел! Да ты знаешь, что за такое делают, когда неправильно называешься? По понятиям тебя опустить надо! Чё делать будем, пацаны?!

– Я пойду, а вы делайте, что хотите, – процедил Игорь и попытался уйти. Фёдор преградил ему дорогу: – Никуда ты не пойдёшь! За свои косяки ты должен принести денег, а мы решим, опускать тебя или нет. А если сбежать решишь, то тебя найдут и на пику поставят. И твоих родителей мочканут.

Тем временем накачанный парень бандитского вида схватил за руку водителя мусоровоза и смотрел ему в лицо. Выглядело это зловеще.

– Ты чё не понял? – зло прикрикнул на Игоря Боб и вновь дёрнул за олимпийку.

Игорь рывком высвободился и рассеяно спросил Фёдора: – Ты что-то говорил сейчас? Что-то про пику. Я прослушал.

– Ты вообще что ли? – прошипел Фёдор, багровея. – Хочешь, чтобы ещё хуже было?! С тобой уже не я буду разбираться, а совсем другие люди!

Игорь его не слушал, он украдкой поглядывал то на бритого парня, который отошёл в сторону от мусоровоза и смотрел на них, то на водителя мусоровоза. Последний точно зомби залез в кабину грузовика и завёл двигатель. Рабочий, что грузил мусор в контейнер, зафиксированный механизмом захвата, протестующе закричал и замахал руками, но водитель его не услышал. Грузовик взревел и рванулся вперёд. Контейнер потащило по тротуару со снопами

искр, вылетающих из-под днища. Привлечённые рёвом мотора, будущие уголовники обернулись.

– Что он делает? – непонимающе пробормотал Боб. Однако на объяснения не было времени. Игорь побежал. Он дёрнулся вбок, уходя от вильнувшего грузовика. Колеса автомобиля подпрыгнули на бордюре. Контейнер с мусором со страшным лягом грохнулся об асфальт, а затем со скрежетом потащился дальше. Калиша споткнулся, и его с отвратительным влажным хрустом раздавило колесами грузовика. Фёдор бежал рядом с Игорем, а Боб кинулся в другую сторону, рассчитывая, что маньяк мусорщик предпочтёт сбить лучше двоих, чем одного. Грузовик действительно не погнался за ним. Вот только столб освещения, вставший на пути мчавшегося автомобиля, срезал механизм захвата и отлетевший в сторону контейнер сбил хитреца. Подвернувшаяся на дороге мусоровозу «четверка» отлетела и, перевернувшись несколько раз в воздухе, обрушилась за спинами убежавших подростков. Игорь вновь резко свернул, подбежал к ограде больницы и попытался перелезть по прутьям. Фёдор точно повторил его действия. Они почти долезли до верха, когда грузовик оказался рядом. Игорь ясно понял, что произойдёт дальше. Он соскочил вниз и успел отпрыгнуть до удара. Мусоровоз на скорости протаранил ограду. Фёдор сорвался, упал на капот машины и как только автомобиль отъехал, скатился вниз, на тротуар. Разворачиваясь, мусоровоз сбил его и покатил дальше, оставляя кровавый след от правого колеса, которое раздавило человеческое тело практически в лепёшку. Двигатель грузовика надсадно взвыл, устремляясь за главной жертвой, дребезжа развороченными ударами передком и клацая погнутым капотом. Лобовое стекло покрыла густая сеть трещин, напоминающих паутину. Игорь почувствовал, как в спину дохнуло жарким воздухом, пахнущим маслом и бензином – это было дыхание самой смерти. Он отпрыгнул в сторону в последний момент. Грузовик пронёсся мимо, а поднявшийся искорёженный капот помешал водителю разглядеть очередной столб. От удара опора освещения наклонилась, но устояла. Двигательный отсек мусоровоза покорёжило, а сам двигатель ушёл назад. Передние колеса встали под углом. Из лопнувшего радиатора брызнула вода. Водителя выбросило на покорёженный капот. Игорь в трансе смотрел на раскуроченный автомобиль, на кровь, стекающую по капоту, на мёртвого водителя, потом силой воли заставил себя отвести глаза и вовремя. К нему бежал тот бритоголовый парень в кожанке. На ходу он доставал пистолет. Игорь побежал. Хлопнули выстрелы. Пули прошли совсем рядом. Повинуясь интуиции, Игорь свернул за угол, затем ещё раз в какой-то проезд, пролез через отверстие в заборе на стройку, пробежал через стройплощадку и под крики сторожа выскочил через ворота. Оборачиваясь, он видел преследователя. Тот не догонял, но и не отставал. Оказавшись на широкой улице с двухсторонним движением, Игорь запрыгнул в автобус, а преследователь опоздал. Если водитель и видел бритого, то решил не останавливаться. Бритый стал останавливать машины, однако все проезжали мимо. Потом автобус свернул, и Игорь потерял его из вида. Нервы звенели как натянутая струна. Сердце бешено колотилось из-за гонки и адреналина. Кое-как отдышавшись, на первой же остановке Игорь сошёл с автобуса и метнулся в ближайший двор. Через него вышел на соседнюю улицу, пробежал немного, затем вновь пошёл через дворы. Он весь взмок и еле держался на ногах. Преследователя не было видно, но это не успокаивало. Присев на лавочке в небольшом сквере, он достал тетрадь и стал читать заговор, что во сне ему продиктовала прародительница.

Глава 6

Мрачный тонированный джип, грозно ощерившийся хромированным кенгурятником, притормозил перед домом целительницы. Валерий Борисович выбрался из авто и сделал знак своим «гориллам»: – Захватите ящик из багажника и за мной!

Бен и Сойка – перекачанные мордovorоты лет по двадцать, извлекли из джипа груз и вдвоём, сгибаясь под тяжестью прямоугольного деревянного оружейного ящика, выкрашенного в тёмно-оливковый цвет со стальными замками по бокам, тяжело ступая и сопя, двинулись следом за шефом.

– Если б хотел нажить геморрой, то пошёл бы грузчиком на железку, – сипло сообщил Сойка, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Меньше базарь, больше делай, – процедил Валерий Борисович и, достав упаковку мятных драже, бросил пару себе в рот по привычке, как делал всегда перед деловым разговором. Убрал пачку в нагрудный карман дорого костюма кремового цвета и открыл незапертую входную дверь в сенях убогого домишки целительницы.

– «Гребёт такие деньги, а не может нормальную хату купить», – подумал он про себя, ошущая приятную мятную сладость во рту.

– Куда нести? – прогудел небритый хмурый Бен. Мышцы качка дрожали от напряжения.

– Прямо, – отрывисто бросил Валерий Борисович, пропуская их. Изнутри помещение напоминало склад непонятной дряни: старая поломанная мебель, пучки травы, корней, мешочки с непонятным содержимым. То, что он вначале принял за сушёную рыбу на верёвке, при ближайшем рассмотрении оказалось мумифицированными тушками летучих мышей, жаб, ящериц и ещё бог знает кого. Запах в сенях стоял соответствующий. Именно так по его разумению и должна была выглядеть избушка Бабы-яги. По крайней мере, в детстве разум рисовал похожие картины, когда маленький Валька слушал бабушкины сказки, сидя на тёплой зава-линке. Валерий Борисович вошёл следом за парнями, но дверь закрывать не стал, так как в сенях было темно, и он не хотел, чтоб кто-нибудь из них переломал ноги.

– Эй, хозяйка, принимай товар, – прокричал он в коридор, ожидая, что кто-то из жильцов выйдет навстречу. Никто не появился, но из глубины дома раздался жуткий клокочущий голос, от которого у него волосы на голове зашевелились.

– Оставьте там, в коридоре и уходите! Я занята сейчас, а Аглая пока не вернулась. Она потом приберёт.

– О'кей! – крикнул в ответ Валерий Борисович и порадовался, что не придётся встречаться с владелицей этого леденящего душу голоса. И наплевать, как старуха потом «приберёт» неподъёмный ящик. Обращаясь к парням, он коротко распорядился: – Ставьте, прям здесь и валим.

Со вздохом облегчения они опустили свою ношу на пол. Сойка схватился за поясницу, болезненно сморщился и с обидой пожаловался: – Спину сорвал этой х...ей!

– Зато геморрой не вылез, – хохотнул Бен, разминая руки. Валерий Борисович повернулся, чтобы уходить. В этот момент хлопнула дверь в комнате и в коридор к ним выскочила худенькая девушка в лёгком коротком чёрном платье в белый горошек. Валерий Борисович дёрнулся к пистолету в наплечной кобуре под пиджаком, но опустил руку, мгновенно оценив ситуацию. Оружия у девчонки не было. На вид лет пятнадцать или меньше. Она кинулась к оторопевшему Сойке, вцепилась в рубашку и затараторила с распахнутыми от ужаса голубыми глазами: – Помогите! Помогите! Она хочет меня убить! Заберите отсюда!

– Ты чего...? – начал было Сойка, пытаясь оторвать от рубашки её пальцы.

Валерий Борисович глядя в её миловидное искаженное ужасом личико, узнал девчонку. Именно её он заметил на улице несколько дней назад, когда они ехали к шефу. Такие мини-

атюрные блондиночки Угрюмому нравились, поэтому Валерий Борисович приказал притормозить и послал Бена «пригласить» девушку покататься. Девчонка отказалась, попыталась вырваться, но Бен её «уговорил» несколькими несильными ударами. Бездыханное тело забросили в багажник и отвезли на базу. Угрюмый подарку обрадовался. Что у них там дальше было, Валерий Борисович не знал, но был уверен, что тело блондиночки уже прикопано где-нибудь в лесу. Слишком много выёживалась. Как она оказалась здесь, было вообще непонятно. Угрюмый свидетелей не оставлял. Валерий Борисович как раз собирался спросить у девчонки, но в эту секунду из коридора выскользнуло что-то чёрное и извивающееся точно змея. Всё произошло очень быстро. Змея сноровисто нырнула девчонке под юбку. Та пронзительно закричала, потом кашлянула облаком кровавых брызг в лицо Сойке и резко запрокинула голову, выпуская из раззявленного рта извивающийся конец этого нечто. Щупальце словно помахивало им, прощаясь. Сойка хрипло заорал. Бен попытался выхватить пистолет, но оружие застряло в кобуре на поясе, зацепившись за рубашку. Валерий Борисович о своём оружии даже не вспомнил. Всё тело безвольно обмякло, парализованное страхом. У них на глазах щупальце рывком утащило девушку назад в глубину дома.

– Пи...ец! – тонко пискнул Сойка, отшатнувшись к стене и повалив какие-то пыльные тюки. Следом откуда-то из-под дома, прямо у них под ногами раздался хриплый каркающий вопль, совсем не похожий на человеческий. Словно в предсмертной агонии орала большая ворона.

Наплевав на всякий этикет, Валерий Борисович бросился бежать. На сегодня впечатлений для него было достаточно. Сойка с Беном бледные точно покойники рванули следом. Бен развил неплохую скорость и первым оказался у машины. Прыгнув за руль, он судорожно стал пихать ключ зажигания в замок. Сойка плюхнулся за ним на заднее сидение и громко хлопнул дверью. Валерий Борисович втиснулся на передние сиденье, рядом с водителем. В его искажённом ужасом восприятии времени путь до задней дверцы показался невообразимо долгим. Секунды превратились в часы.

– Да быстрее ты, тормоз! – рывкнул он на Бена, копавшегося с зажиганием и толкнул в бок. Бен выругался. Казалось, через целую вечность завёлся двигатель. Джип рванулся с места и понёсся прочь, не разбирая дороги, раздавил клумбу у соседнего дома, снёс лавочку у палисадника.

– Не гони! – обеспокоенно прикрикнул Валерий Борисович на водителя, заметив, что они приближаются к перекрёстку. Бен немного сбросил газ и огляделся. Он начинал приходить в себя. Они благополучно свернули на дорогу, идущую к вокзалу. Ехали молча. Валерий Борисович никак не мог осознать, что же там произошло в этом чёртовом доме. Не может быть, чтобы они втроём схватили глюк. Да какой к чёрту глюк?! Лицо Сойки до сих пор было в крови той тёлки, а значит, это произошло на самом деле. Затем к Валерию Борисовичу пришла другая мысль, а может бросить всё и махнуть на юга. Бабки есть, а со всем этим дерьмом пусть разбираются другие люди. Они проезжали мимо церкви, когда у Сойки поехала крыша.

– Останови, падла! – забарабанил он неистово кулаками по водительскому сиденью.

– Ты чё?! – изумился Бен. Валерий Борисович хотел как-то урезонить взбесившегося пассажира, да поспешно придержал слова, так как Сойка выхватил пистолет.

– Тормози ссу-у-ка! Щас башку снесу! – вопил он с пеной, выступившей на губах и со всей силы пнул сиденье ногой. Бен нажал на тормоз, и джип с визгом затормозил, отчего всех, находившихся внутри, кинуло вперёд. Пистолет Сойки грохнул. Пуля пробила лобовое стекло, никого не задев.

– Идите все на х...й! – пожелал он им и выскочил наружу. Было видно, как Сойка с диким видом понёсся к храму, распугивая нищих у входа.

– Что это было?! – изумлённо спросил Бен, глядя в окно.

– Ё...у дал, – прокомментировал происходящее Валерий Борисович и как можно более твёрдым голосом приказал: – Валим по бырому! Щас начнёт шмалять во все стороны. Совсем куковина отлетела.

Джип тронулся с места. Бен растерянно буркнул: – Я не про Сойку базарю. С ним понятно, вольтанулся – очко то не железное. Я про хату стрёмную. Про змею эту или что там было, короче херня какая-то, которая девку насадила.

– Смотри не трепись об этом, иначе лично на ремни порежу! – жёстко осадил его Валерий Борисович и подумал, что только паники ему не хватало среди бойцов накануне большого шухера. Осмотревшись, он едко уточнил: – Куда мы едем?

– Не знаю, – буркнул Бен и смахнул рукавом выступившую на лбу испарину. Его лицо оставалось бледным, а желваки на небритых скулах нервно играли, показывая степень напряжения.

– На базу давай, – приказал Валерий Борисович, немного сбавив тон. Ему не хотелось стать свидетелем новой истерики. Достаточно Сойки. Правда Бен покрепче будет. Машину покачивало на ухабах. Потом они заехали на заправку. Бен вышел, а Валерий Борисович пересел на заднее сиденье, где он обычно ездил. Развалился, закурил тонкую сигарету с ментолом, опустил боковое стекло на ладонь. Лёгкий ветерок вытягивал сигаретный дым из салона на улицу, но успокоение не приходило. Он думал, старался разобраться в своих мыслях, да только не получалось. В голове царил какой-то винегрет, замешанный на страхе. А главное – что дальше делать? Целительница по ходу была совсем не целительницей и даже не человеком. Что-то невообразимое происходило в том доме. Там обитали твари, которые одним ударом могут проткнуть человека насквозь. Вообще чудо, что они ушли оттуда живыми. Одно неоспоримо – туда он больше не ногой. Пусть Угрюмый сам туда ездит.

Вторя его внутренним переживаниям, вернувшийся из магазина на заправке, Бен тихо произнёс: – Я к этой тётке больше не поеду, хоть стреляй меня.

– Об этом не парься, – ободрил его Валерий Борисович и добавил: – Угрюмому тоже ничего не говори. Я сам ему расскажу. Пусть решает.

Бен молча откупорил банку пива, глотнул и завёл двигатель. Валерий Борисович воздержался от того, чтобы высказать неодобрение его поведением, решив, что банка пива в данной ситуации может даже помочь. Джип тронулся. Валерий Борисович выбросил окурок в окно. Они снова ехали. Попавшиеся на дороге гаишники, отвернулись в сторону, словно не замечая огромный джип, несущийся по городу с превышением скорости.

Глава 7

Ей повезло. Буквально на бегу Наташка запрыгнула в притормозившую перед ней белую «пятёрку», водитель которой, худой измождённый мужчина средних лет не собирался её подвозить. Он гневно глянул на неё серыми глазами, набрал воздуха, чтобы обматерить, но передумал и даже улыбнулся. Наташка обернулась назад проверить – не преследует ли их страшная старуха. Пришлось чуть приподняться на своём месте, чтобы взглянуть поверх кучи старых вещей, лежавших на заднем сиденье: вёдра, садовый опрыскиватель, черенки для лопат и старый чёрно-белый телевизор, прикрытый рваным одеялом. Она прикрикнула на мужчину: – Поехали! Поехали отсюда!

– Торопишься куда-то, малышка? – поддразнивая её, поинтересовался водитель. Глаза мужчины блуждали по её телу. Взгляд замер на поцарапанных коленках и драных колготках в крупную сетку.

– На кладбище, – ответила Наташка, поджав губы.

– Что?! Типун тебе на язык! Ты что говоришь?! – вскинулся водитель и внимательно глянул её в лицо. – Сатанистка что ли?

– Нет, – нахмурилась Наташка и попыталась прикрыть драные колготки, положив ногу на ногу и прикрыв сверху сумочкой. – Я живу рядом с остановкой перед кладбищем. Вы же на дачу едете как раз мимо моего дома.

– Да, мимо, – водитель вновь расслабился, согласно кивнув, и улыбнулся, – а ты чего назад поглядываешь? Преследует кто-то?

– Нет, – соврала Наташка, стараясь казаться искренней.

– Чем занимаешься? – благодушно осведомился мужчина и вновь покосился на её ноги. – Учишься или работаешь?

– Учусь на первом курсе в педагогическом, – нехотя ответила Наташка и снова быстро глянула назад. Машину никто не преследовал. Страшная старуха отстала. Она с облегчением выдохнула и позволила себе откинуться на сиденье.

– В педагогическом?! – изумился водитель. – Это так выглядят будущие учителя?! Куда страна катится!

– В светлое будущее, – съязвила Наташка.

Водитель ещё продолжительное время критиковал современную молодежь, затем прошёлся по образованию и перешёл к политике.

Наташка слушала его в пол уха и время от времени поддакивала. Она была счастлива от того, что всё ещё жива. Старая карга едва её не прикончила.

Внезапно мужик схватил её за бедро. Его пальцы больно стиснули плоть. Наташка ошарашенно оттолкнула руку и ойкнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.